ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-142-150
Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государства и права юридического факультета Абхазского государственного университета (г. Сухум, Республика Абхазия),
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕТОДОЛОГИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКУ

Аннотация. *Цель статьи – выявить специфику доктрин общей теории права, сложившихся в первые десятилетия XX века. Показано, что первоначально общую теорию права не рассматривали в качестве отдельной дисциплины: её отождествляли с энциклопедией права, а по своему содержанию она выступала как обобщающий срез юридического знания и практики, концептуализированный в рамках юридической догматики. Однако для превращения данного теоретического обобщения в самостоятельную юридическую науку, способную задать новое направление эволюции правоведения, требовалась такая модель правопонимания, которая, оставаясь в русле позитивизма, расширяла бы его трактовку и выводила источник права за пределы сугубо нормативной формы. Эту функцию во многом взял на себя социологизм, осмысливавший право как особую форму социальности, воплощающую объективные общественные отношения. Автор приходит к выводу, что в контексте бурно развивавшегося социально-гуманитарного знания начала XX столетия общая теория права представляла собой систему теоретического знания о праве, включающего всю совокупность способов его изучения. Ее задача состояла в обосновании правильной интерпретации права и способов его познания. Эта концепция общей теории права нашла свое место в российском правоведении начала XX века и оформилась как альтернативный вариант классических концепций, оставаясь при этом приверженной методологическому ядру юридического позитивизма.*

Ключевые слова: *философия права, правоведение и его теория, правовая методология, политика и идеология права, правосознание, эволюция российской юридической мысли.*

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Law, Faculty of Law Abkhazian State University (Sukhum, Republic of Abkhazia)

THEORETICAL AND LEGAL CONCEPTS OF THE EARLY 20TH CENTURY AND THEIR IMPACT ON THE METHODOLOGY OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

Annotation. *The purpose of the article is to identify the specifics of the doctrines of the general theory of law that developed in the first decades of the twentieth century. It is shown that initially the general theory of law was not considered as a separate discipline: it was identified with the encyclopedia of law, and in its content it acted as a generalizing section of legal knowledge and practice, conceptualized within the framework of legal dogma. However, in order to transform this theoretical generalization into an independent legal science capable of setting a new direction for the evolution of jurisprudence, a model of legal understanding was required that, while remaining in line with positivism, would expand its interpretation and take the source of law beyond a purely normative*

form. This function was largely assumed by sociologism, which interpreted law as a special form of sociality embodying objective social relations. The author comes to the conclusion that in the context of the rapidly developing socio-humanitarian knowledge of the early twentieth century, the general theory of law was a system of theoretical knowledge about law, including the totality of ways to study it. Her task was to substantiate the correct interpretation of law and the ways of its cognition. This concept of the general theory of law found its place in Russian jurisprudence of the early twentieth century and took shape as an alternative version of classical concepts, while remaining committed to the methodological core of legal positivism.

Key words: *philosophy of law, jurisprudence and its theory, legal methodology, politics and ideology of law, legal awareness, evolution of Russian legal thought.*

Современная общая теория права представляет собой результат многовековой эволюции концептуальных воззрений на право и государственность, истоки которой восходят к философским системам XVII столетия. Именно эпоха Нового времени дала импульс формированию первых доктрин, ставивших своей целью рационально обосновать сущность права на основе чётких критериев объективности. Наиболее влиятельной методологической платформой здесь выступил рационализм: опираясь на господствующие мировоззренческие установки, он обеспечивал научность юридического знания, придавая ему универсальный и необходимый характер. В этих условиях складывается школа естественного права, для которой рационалистическая установка означала признание нормативного приоритета предписаний разума. Данное признание вытекало из убеждения в разумном устройстве универсума, где право осмыслялось как специфическое проявление его фундаментальной сущности.

Концепции естественного права строились на допущении существования вечного, неизменного и универсального закона, укоренённого в разумной природе человека, а потому подлежащего постижению человеческим разумом. Фактически речь шла о своеобразном методе познания права, и этим методом выступал рационализм, который, зародившись в эпоху Нового времени, оставался востребованным и в последующие исторические эпохи, формируя интеллектуальный каркас школы естественного права. Именно Гуго Гроций (1583–1645) первым предложил классическую модель такой доктрины, тем самым положив начало новой исследовательской традиции в юриспруденции. Особое внимание к методологической стороне гротианского учения проявил выдающийся русский философ права П. И. Новгородцев (1866–1924), видевший в нём своего рода возрождение естественно-правовой идеи. Анализируя творчество голландского мыслителя, он подчёркивал, что главная оригинальность Гроция заключается не столько во вводимых им принципах, сколько в совершенно новом способе рассуждения о праве. По замечанию Новгородцева, автор «О праве войны и мира» открыл рационалистическое направление в философии права, сделав акцент на методе – строгом логическом анализе, систематизации и обращении к универсальным основаниям человеческого разума. Новгородцев откровенно признавал, что современному читателю трактат Гроция может показаться сухим, тяжеловесным и не столь увлекательным, как иные классические произведения. Чтобы оценить труд, требуются особый интерес и немалое терпение. Однако именно рационалистическая методология обусловила стремительное распространение книги: точность аргументации, системность изложения и требование объективности исследования сделали её авторитетным ориентиром для последующих поколений юристов и философов. Таким образом, тайна успеха Гроция кроется, прежде всего, в его научном инструменте, позволившем придать естественно-правовой мысли непреходящую значимость и интеллектуальную убедительность.

Примечательно, что доктрина естественного права берёт начало в глубокой древности: она формировалась в рамках римской юриспруденции, неизменно сопровождала средневековые схоластические системы и прочно закрепилась в мировоззрении классических английских мыслителей. Однако только у Гуго Гроция «право природы» обрело строгий, рационализированный методологический каркас, ставший образцом научного анализа права той эпохи. На это указывал и П. И. Новгородцев, который, хотя и оценивал вклад голландского мыслителя более сдержанно, чем многие современники, всё же признавал открытое им новое направление философии права. По сути, речь шла о зарождении всеобъемлющей теории права, чья цель — выработать стройную систему универсальных принципов и категорий, раскрыть сущностную природу государственно-правовых феноменов и выявить закономерности их возникновения, трансформации и функционирования.

Философия права этого времени, тождественная естественно-правовой школе, стала первым систематическим опытом раскрыть универсальное содержание и субстанцию права, одно-

временно ориентируясь на решение конкретных, практико-правовых задач управления обществом. Основная цель заключалась в рациональном обосновании «идеи права» – своеобразного зародыша, из которого впоследствии должна была развиться вся сложная структура позитивного права. Смысл этой идеи сводился к принципу справедливости, понимаемой как требование разума и выражающее внутреннюю логику самой природы человека. Гуго Гроций подчёркивал, что справедливость составляет естественное требование существа, наделённого рассудком: «право есть лишь то, что не противоречит справедливости; несправедливо то, что враждебно природе мыслящих существ» [3, с. 68]. Таким образом, естественное право мыслилось не как набор положительных норм, а как рациональный критерий их легитимности, обеспечивающий согласие между субъективной волей законодателя и объективным порядком, коренящимся в человеческой разумной природе.

Поддерживая суждение П. И. Новгородцева, необходимо признать, что Гуго Гроций почти не расширил содержательную сторону учения о естественном праве. Но именно в этом и проступает специфика его вклада: ценность голландского классика не в новых догматах, а в формулировании эпистемологической процедуры, позволяющей трактовать право как науку. Для интеллектуального климата Нового времени характерна настойчивая ориентация на поиск универсального познавательного инструмента, гарантирующего объективность, всеобщность и проверяемость выводов о любом феномене. Результатом этих поисков стали два магистральных подхода — рационализм и эмпиризм, каждый из которых отвечал озвученным требованиям. Так, рационализм Р. Декарта и эмпиризм Ф. Бэкона заложили фундамент дальнейшего роста научного знания, распределившись по соответствующим дисциплинарным полям. Если «Новый органон» Бэкона стал идейным источником современного экспериментального естествознания, то «Рассуждение о методе» Декарта открывает линию методологии гуманитарных наук; на протяжении долгого времени рационалистическая стратегия оставалась безальтернативной в философском исследовании.

Философская мысль эпохи Просвещения обеспечивала целостное теоретическое знание о праве, служившее методологическим фундаментом для решения конкретных задач модернизации законодательства. Ее главная функция заключалась в аргументации понятия справедливости, неразрывно связанной с категориями личной свободы и юридического равенства, что было критически важно в процессе освобождения общества от феодальных пережитков. Рационалистическая теория естественного права формировала универсальные аксиологические принципы зарождающегося буржуазного права, определяя идеальный образ новых социально-экономических отношений. Эти ценностные ориентиры были успешно институционализированы и легли в основу конституционных актов молодых государств, наиболее ярко проявившись в Декларации прав человека и гражданина, принятой во Франции в 1789 году.

В то же время зарождение универсального знания о праве в недрах спекулятивно-дедуктивной философии, нацеленной на выявление идеальных первооснов правопорядка грядущей эпохи, изначально не могло обеспечить полноценное синтетическое осмысление позитивного юридического материала и прямо ориентироваться на практику правоприменения. Данная доктрина ограничивалась тем, что предписывала практике собственные абстрактные максима, аргументируя их положением о том, что закон по своей сути должен быть столь же разумным, как и сама теория. Именно эта отчуждённость философии права и школы естественного права от реальной юридической жизни стала их историко-методологическим пределом. Тем не менее философия права оказалась первой попыткой системной интеграции юридического знания, создав прецедент научного подхода к праву.

Ускоренное развитие правоприменительной практики выдвинуло требование пересмотреть традиционные способы систематизации юридических знаний. Новый метод должен опираться на синтез сведений о реально функционирующем позитивном праве, воплощённых в форме общих доктринальных положений и стройной терминологической системы, корни которой ищутся не столько в правовой философии, сколько в отдельных отраслях отраслевого правоведения. Подобный универсальный понятийный каркас необходим и начинающему студенту-юристу, и практикующему адвокату или судье: он позволяет сохранять целостное восприятие права и улавливать его внутреннюю логику. Изначально указанная задача реализовывалась внутри учебной дисциплины «энциклопедия права», предлагавшей панорамный обзор всех юридических наук вместе с историей философии права. Хотя комплекс проблем не был устранён в первые годы существования курса, одну цель всё же удалось достичь — сформировать корпус обобщённых юридических знаний, закреплённый в систематизированном понятийном аппарате.

Следовало бы ожидать, что энциклопедия права взяла на себя миссию становления правовой догматики, однако на деле этого не случи-

лось. Подобные обзорные курсы изначально не стремились к высокой степени методологической выстроенности и к строгому научному обоснованию подаваемого материала. Их назначение было куда более скромным: очертить целостный, пусть и крайне разнородный, панорамный образ юриспруденции как совокупности сведений о праве и государстве, правоприменительной практике, публичном и частном праве, гражданском и уголовном законодательстве, истории и философии права и т. д. При этом отсутствовал общепринятый канон того, как именно необходимо конструировать подобную энциклопедию. Обычно преподаватель ограничивался перечислением отраслей правового знания, а сопровождающий понятийный аппарат оставался без глубокой систематизации: термины получали дефиниции в буквальном, законническом значении. Фактически энциклопедия выступала лишь введением в юриспруденцию и едва ли дотягивала даже до уровня правовой пропедевтики, ибо последняя предполагает изложение основ дисциплины, чего здесь, по сути, не наблюдалось.

Термин «энциклопедия права» был впервые употреблён Иоганном Гунниусом, опубликовавшим труд «Универсальная энциклопедия права» (1638). При этом автор ограничился, по существу, систематическим изложением норм римского и частного гражданского права, а также соответствующего процессуального строя. Несмотря на это, соответствующий курс в течение нескольких столетий читался в университетах Англии, Франции, Германии и России. Хронологически дисциплина зарождается ещё до рационалистической юриспруденции Нового времени и, по-видимому, утрачивает актуальность к началу XX столетия.

Протяжённая эволюция энциклопедии права во многом обусловлена настоятельным запросом на систематизированное позитивное юридическое знание, которое не могла полностью удовлетворить даже развитая философия права в университетском куррикулуме. Её устойчивость объясняется также способностью своевременно откликаться на ключевые векторы развития юриспруденции, регулярно предоставляя механизм для теоретической интерпретации и обобщения правоприменительной практики. Уже к началу XIX века энциклопедия права всё настойчивее обращается к доктрине, стремясь утвердиться как полноценная и автономная юридическая наука. Переломный момент произошёл именно в России, где сформировались выдающиеся теоретико-правовые школы, фактически открывшие новое направление правовой науки.

Прежде всего следует подчеркнуть, что «энциклопедия законоведения» изначально концентрировала внимание исследователя на позитивном праве, то есть на совокупности действующих нормативных актов, делая их главным предметом анализа и тем самым осознанно противопоставляя себя философии права, сосредоточенной на абстрактной идее справедливости и правового бытия. Такой сугубо нормативистский ракурс идеально соответствовал охранительной стратегии Николая I, сменившей реформаторскую линию Александра I: государству требовалась не спекулятивная, а прикладная юридическая наука, способная легитимировать существующий правопорядок. В то же время заимствованное из западноевропейской традиции понятие «энциклопедия права» правительственные круги устраивало мало, поскольку оно предполагало существование некоего «права» вне формально установленных законов и, следовательно, оставляло пространство для критики позитивного законодательства. По этой причине Университетский устав 1835 года официально утвердил в учебной программе именно «энциклопедию законоведения». Новая дисциплина базировалась на принципе полного отождествления права и закона и в качестве первоначальной задачи ставила систематический обзор всех отраслей законоведческих знаний — догматики, истории законодательства, сравнительного правоведения и других наук, изучающих закон как таковой.

После либеральных реформ и введения нового университетского устава прежняя «энциклопедия законоведения» окончательно уступила место «энциклопедии права». Уже само изменение названия свидетельствовало о принципиально важном сдвиге: помимо положений закона признавалось существование самостоятельной феноменологии права, т.е. совокупности правовых норм и идей, порождающих и направляющих законодательную деятельность государства. Так в академическое пространство вернулась либеральная проблематика, а философия права — с её вниманием к естественному праву, правосознанию и ценностным основаниям законодательства — заняла полноправное место и в учебных курсах, и в научной полемике. Один из видных русских теоретиков той эпохи, которому до реформ довелось читать «энциклопедию законоведения», в ретроспективной лекции вспоминал, что дисциплина долгое время трактовалась сугубо позитивистски: «Наука именовалась не энциклопедией права или правоведения, а именно энциклопедией законоведения». В старом уставе, продолжал он, учебный план формально делил предмет на государственные, гражданские, уголовные законы и церковное законоведение. Однако за этими «науками» скрывалось по существу простое система-

тическое изложение российских правовых норм в редакции Свода законов. Лишь изредка оно приправлялось историческими ремарками, почерпнутыми преимущественно из подготовленного тогда, но не опубликованного «Исторического Свода законов», который был специально открыт для будущих преподавателей. Таким образом, реформа университетского преподавания не просто обновила терминологию, а фактически вернула в учебный процесс методологический плюрализм: от узко догматического описания законодательства перешли к более сложному, ценностно-ориентированному анализу самого права как социального института и философской категории.

Следует подчеркнуть, что П. Г. Редкин, стремясь продемонстрировать, как в российском правоведении середины XIX в. укреплялись, по его мнению, консервативные и губительные устремления, указывает, прежде всего, на фигуру К. А. Неволина. Именно Неволин разработал концепцию «энциклопедии законоведения»; после выхода его учебника в 1839 г. эта концепция практически сделалась канонической в университетском юридическом курсе. В результате все критические стрелы, пущенные в адрес энциклопедии законоведения как дисциплинарной формы, незамедлительно попадали и в самого Неволина, и в построенную им теоретическую конструкцию. Сформировавшаяся на этой почве негативная трактовка легла в основу устойчивого – и, по нашему убеждению, ошибочного – представления о сущности данной науки. Мы берём на себя ответственность опровергнуть подобный взгляд, искажающий как замысел Неволина, так и подлинную природу энциклопедии законоведения: её предметную область, исследовательские задачи и методологические ориентиры. Более того, полагаем, что труд К. А. Неволина «Энциклопедия законоведения» фактически открыл новую страницу в генезисе общей теории права, стимулировав переход от казуистической догматики к системному правоведению.

Характеризуя собственный труд, К. А. Неволин подчёркивал, что до него ни отечественная, ни зарубежная юриспруденция не предлагали столь целостного и принципиально нового метода изложения энциклопедии права. Фундаментом проекта он считал разработку «общей теории закона», фактически отождествляемого с самим правом. В предисловии к первому изданию учёный отмечал, что решился издать книгу на русском языке, «какой, во всём её объёме, наша литература, да, смею думать, и иностранная пока не знали», рассчитывая на внимательное отношение соотечественников к затронутой проблематике. По его словам, академический статус давал ему не только право, но и обязанность взяться за столь масштабную задачу; оценку же достигнутого он оставлял «учёным, сведущим в современном состоянии науки, ради которой труд и задуман». Утверждение об отсутствии аналогов действительно оказалось обоснованным: впоследствии сам зарубежный правовед Г. Ф. Пухта и ряд других иностранных исследователей проявили к работе Неволина значительный интерес, признавая её оригинальность и методологическую свежесть.

Ключевая идея состояла в создании энциклопедии юриспруденции как самостоятельной научной дисциплины, предметом которой служат законы и формирование максимально обобщённого знания о них. По К. А. Неволину, «энциклопедия законоведения» представляет собой идеальную модель науки о праве в её всеобъемлющей взаимосвязи как с системой человеческого знания, так и с собственными внутренними элементами. Это не просто свод сведений, а доктринальная теория правоведения как части общей науки, учение о её структуре, методе, методологическом инструменте и логике построения; она описывает композицию, систему и органическое целое юриспруденции, показывая, каким образом из первоначального единства рождаются многочисленные частные юридические дисциплины и как они вновь синтезируются в неделимое единство [9, с. 1].

Определяя предметом законоведения именно закон, исследователь тем самым вовсе не отвергает естественное право; напротив, он исходит из того, что природные правовые начала воплощаются и конкретизируются в положительном праве. Оперируя множеством концепций правопонимания – от исторической школы и натуралистического подхода до религиозно-правовой доктрины – и вместе с тем утверждая позитивистскую идею отождествления права с законом, мыслитель формулирует задачу выявления «общего содержания» законодательных актов. Он опирается как на эмпирическое, позитивное знание о нормативном тексте, так и на идею правды, органично присущей закону и поступательно раскрывающейся в правовой истории. Ключевой постулат состоит в том, что разработка общей теории закона должна предшествовать анализу частных институтов и завершать его, обеспечивая юристу адекватное понимание смысла законодательства, необходимое прежде всего для судебной практики. Следовательно, энциклопедия законоведения — это не просто учебный курс, а самостоятельная научная дисциплина, исследующая универсальное содержание закона.

Необходимо подчеркнуть, что научный вклад К. А. Неволина в динамику отечественного правоведения был по-настоящему масштабным, однако

современники не оценили его должным образом, отождествив личность учёного с действовавшим тогда консервативным политико-правовым режимом. Вследствие этого, после promulgatio нового университетского устава имя Неволина почти исчезло из академического дискурса. Между тем современный историк права ясно видит, что разработанная им «Энциклопедия законоведения» является критически важным звеном эволюции русского правоведения XIX века: без её анализа невозможно полноценно реконструировать последующие этапы становления общей теории права, сыгравшей ключевую роль в формировании фундаментальной юридической науки.

Интенсивное становление энциклопедии права как компонента общей теории приходится на вторую половину XIX века и обусловлено появлением принципиально новых вызовов, которые встали перед отечественным правоведением в эпоху реформ и ускоренного социального развития. Когда К. А. Неволин разрабатывал свою концептуальную схему, его, с одной стороны, побуждала необходимость сконструировать теоретическую матрицу юридического образования – фундаментальную дисциплину, способную синтезировать исходные начала всего правоведения и логически завершить тогдашнюю систематику отраслевых знаний. С другой стороны, учёный стремился восполнить лакуну в общей правовой эрудиции, возникшую после фактической отмены философии права с её теорией естественного права, что резко сузило мировоззренческую базу юриспруденции. Следующее поколение исследователей, сохраняя приоритет задачи формирования общетеоретического корпуса знаний в новых политико-правовых координатах, к указанным мотивациям добавило и ещё одну: необходимость концептуального осмысления и абстрагирования активно развивающейся юридической практики. По существу речь шла о всеобъемлющей систематизации правового материала через стройную систему научных категорий, непосредственным эмпирическим источником которых выступали судебные и административные прецеденты, а равно – правоприменительная деятельность органов власти. Кульминацией этого процесса стало формирование научно обоснованной юридической догматики, объективно востребованной как в университетском преподавании, так и в каждодневной судебной и следственной практике. Создатель общей теории права Н. М. Коркунов подчёркивал, что русские курсы энциклопедии права уделяют всё больше внимания именно общетеоретическим аспектам. По его наблюдениям, такая «смещённая фокусировка» не была случайной: она отражала поступательное стремление к синтетическому обобщению разрозненных юридических сведений – задаче, с которой традиционная философия права уже не справлялась так же, как и классическая энциклопедия. В этом методологическом повороте Коркунов усматривал зарождающуюся новую юридическую науку, чьим предметом становится выявление универсального содержания права, вычленяемого через аналитическую экстракцию из частных отраслевых наук.

Уже в 1860-е годы в русской юриспруденции осознавались и теоретическая значимость, и практическая насущность выработки всеобъемлющей общей теории права. Однако ученые расходились во мнении, насколько своевременно начинать столь масштабный синтез. Так, Н. К. Ранненкампф полагал, что уровень развития правовой практики еще не позволяет совместить назревшую потребность в подобной теории с реально доступными методологическими средствами ее построения [12]. Эту позицию он сформулировал в пространной рецензии на проект общей теории права, представленный М. Н. Капустиным [6]. Примечательно, что сам Ранненкампф впоследствии издал «Юридическую энциклопедию», фактически предложив в ней собственный вариант концепции общей теории права [13]. Схожие поиски предпринимал и другой российский теоретик — Н. Ф. Рождественский, чья работа, к сожалению, осталась незавершённой [15]. Позднее Н. М. Коркунов рассматривал труды Капустина и Ранненкампфа как показательные для правоведения второй половины XIX века примеры, свидетельствующие о становлении общей теории права как самостоятельной юридической дисциплины [8].

Как отмечал Н.М. Коркунов, рассматриваемый исторический момент прежде всего знаменовался попытками привести разрозненные представления о праве к внутренне стройной системе. Под термином «систематизация» различными авторами понимались самые разные методологические операции, однако центральной задачей оставалось формирование стройной догматики права. В атмосфере укрепившегося в России юридического позитивизма научность правовой теории соотносилась прежде всего с опорой на юридические факты, выраженные в нормах и институтах, то есть в объективированном правовом материале. М.Н. Капустин развивает эту линию, полагая, что универсальное знание о праве питается, с одной стороны, философским источником – идеей права как принципом справедливости, а с другой – позитивным источником, воплощённым в законодательстве и практике правоприменения. Соединение формально-догматической позиции, где право отождествляется с нормой, с обраще-

нием к метаюридической «идее права» выглядит парадоксально: естественное право не может рассматриваться как собственно юридическое явление. Тем не менее указанное противоречие нивелируется в ракурсе историко-культурного подхода, характерного для самого Капустина: идея справедливости обретает конкретность лишь через позитивизацию в определённом социально-историческом контексте, материализуясь в институтах и нормах каждой конкретной цивилизации.

Ключевая, по мнению М.Н. Капустина, миссия состоит в создании и научной верификации юридической догматики – стройной системы категорий, отражающих обобщённый опыт правоприменения и законотворчества. Подобный понятийный аппарат востребован как у будущего юриста, овладевающего дисциплиной, так и у практикующего специалиста для корректного толкования, конструирования и реализации правовых норм в разнообразных сферах регулирования.

В рассматриваемый исторический отрезок исследователи проявляли заметную сдержанность в применении термина «общая теория права». Чаще употреблялись выражения «энциклопедия права» или «юридическая энциклопедия», отражавшие стремление обойтись без прямого указания на теоретико-правовой универсализм. Даже М. Н. Капустин, заглавивший свою раннюю работу «Юридическая энциклопедия (догматика)» (1893), впоследствии сознательно дистанцировался от понятия общей теории, хотя и подчеркивал, что написанный им курс фактически представляет «общую догматику», а значит, выполняет функции именно общей теории права. С уверенностью можно утверждать, что во второй половине XIX в. сложились объективные предпосылки для институционализации общей теории права как самостоятельного сегмента юриспруденции. Она уже существовала имплицитно: в форме теоретического синтеза отраслевых юридических знаний и судебно-административной практики, концептуализированного в виде юридической догматики. Последняя формировала систему воспроизводимых категорий, отражающих не частноправовые, а универсальные правовые характеристики и тем самым служивших методологическим основанием для отдельных отраслей. Логическая упорядоченность этих понятий покоилась на обобщающей теории, выводившейся из предметно-отраслевого материала, но при этом поднимавшейся до уровня межотраслевого обобщения. Возрастающая сложность юридической практики, вызванная индустриализацией и социальными трансформациями, делала потребность в такой всеобщей теоретической рамке очевидной не только для научного сообщества, но и для правоприменителя. Однако окончательное институциональное признание дисциплины требовало опоры на иные методологические источники. Таковым мог стать инновационный, ещё не получивший широкого распространения подход к интерпретации сущности и природы права — новый эвристический метод, который в ряде философско-правовых доктрин уже был заявлен, но пока не приобрёл достаточной поддержки и не оформился в общепризнанную исследовательскую парадигму.

Новое направление, получившее название социологического правопонимания, внесло качественно иной акцент в теорию права. Хотя и прежде никто не отрицал социальной обусловленности права — ведь именно общественные отношения являются его предметом регулирования, — до появления данного подхода позитивистская доктрина не осмеливалась утверждать, что само общество способно выступать самостоятельным (пусть и неюридическим) источником правовых норм. Признание социума в таком качестве открыло возможности для решения целого ряда методологических затруднений. Прежде всего, была поставлена под сомнение дуалистическая схема правопонимания, типичная для универсальных теорий права, когда наряду с нормами, закреплёнными государством, в качестве основы признавалась идея естественного права. Подобное двойное основание противоречило ортодоксальному юридическому позитивизму. На этой платформе М.Н. Капустин строит собственную концепцию, подчёркивая, что «правоведение содержит в себе двоякий элемент: положительный и философский, — право, как оно существует в действительности, и как оно должно быть» [7, с. 6]. Попытка примирить правовой позитивизм с естественно-правовой школой через тезис о «реализованности идеала» в действующем законодательстве временно смягчала противоречие, но полностью его не устраняла. Лишь вывод о приоритетной роли общества как живого источника нормативности позволил пересмотреть сами основания дуализма и предложил более целостную, эмпирически обоснованную картину генезиса права.

Однако без интегральной концепции права формирование общей теории права было немыслимо: универсальный смысл правовой материи, который стремится уловить теория, обязан проистекать не из произвольного абстрагирования, а из самой сущности права. Следовательно, чтобы общая теория утвердилась как самостоятельная юридическая дисциплина, открывающая новый вектор в истории юриспруденции, требовалось такое правопонимание, которое, оставаясь в русле юридического позитивизма, одновременно расширяло бы его горизонты, выводя истоки права

за рамки одной лишь нормативной оболочки и раскрывая его социокультурную, ценностно-мировоззренческую и институциональную природу. Ни представители исторической школы, ни тем более апологеты естественного права оказались не в состоянии выполнить указанную миссию: первые — из-за их оторванности от живой правореальности и судебной практики, вторые — из-за абсолютизации относительного, национально окрашенного характера правового феномена.

Как уже отмечалось, на данную концептуальную нишу претендовал социологический подход, рассматривавший право как особую форму социальности, то есть устойчивых общественных взаимосвязей. Первооткрывателем идеи создания подобной доктрины стал Н. М. Коркунов. Он видел в ней новый исторический этап юридической науки, выражавшийся, по его словам, в ином способе систематизации правовых знаний, пришедшем на смену философии и энциклопедии права. Ключевым элементом его концепции было определение права как механизма разграничения и балансировки интересов, что явно соотносится с теорией Рудольфа Иеринга. Тем самым предложенное толкование превратилось в методологический принцип, очертивший предмет всеобщей теории права и выявивший универсальное начало, присутствующее в любом правовом феномене.

Следует подчеркнуть, что концепция Н.М. Коркунова подняла идею общей теории права на качественно более высокий уровень доказательности, обозначив новые векторы эволюции юриспруденции. Ключевым новшеством стало акцентирование внимания на личности и её интересах, что заметно расширило поле научного поиска, выявив дополнительные детерминанты правового поведения, прежде всего психические. В этом контексте психологическая теория права Л.И. Петражицкого логично вырастает из коркуновской социологической модели правопонимания, нашедшей широкую поддержку в научном сообществе.

Университетское преподавание общей теории права в подобной редакции постепенно оформилось как общепризнанный стандарт. При этом социологическое направление в праве нередко рассматривалось как тождественное общей теории права. Наиболее ярко такой синтез отражён в доктринах П. Г. Виноградова [2, с. 153], П. А. Сорокина [16], А. С. Ященко [17], Г. Д. Гурвича [4] и ряда других мыслителей. До конца 1930-х гг. общая теория права удерживала статус одной из базовых юридических дисциплин советской высшей школы, а позднее трансформировалась в теорию государства и права. Одновременно часть исследователей предпринимала попытки адаптировать её положения к идеологическим запросам советской власти [11].

К концу XIX столетия общая теория права окончательно утвердилась как неоспоримый факт академической действительности, с которым вынуждена была соотноситься любая профессиональная юриспруденция. Дисциплина быстро заняла место в ядре учебных планов юридических факультетов, превратившись в обязательное методологическое основание их курриkулума. При этом она обладала и собственным исследовательским назначением, и специфической научной программой, очерченной в русле подхода, сформулированного Н. М. Коркуновым, что и объясняет формы ее существования в научном юридическом дискурсе. Тем не менее, это не значит, что точка зрения Н.М. Коркунова не имела альтернатив. Альтернатив не было самой идее общей теории права, которая могла трактоваться по-разному. Под «общим» понимался тот массив знаний о праве, который не сводился к отдельным отраслям. Более того, сюда включались и исследовательские практики, возникавшие за пределами строгой юриспруденции: социология, философия права, политическая философия, антропология, история, а также иные направления социально-гуманитарного знания, тогда стремительно институционализировавшиеся. В подобном междисциплинарном контексте общая теория рассматривалась как комплексная система доктринальных концептов, охватывающая весь набор методов постижения правовой материи; её ключевой задачей становилось нормативное обоснование корректной интерпретации права и легитимных способов его познания. Именно в таком расширенном виде концепция закрепилась в российском правоведении начала XX века. Одним из наиболее выразительных её представителей выступил Г. Ф. Шершеневич, последовательно развивавший формально-догматический метод при реконструкции общей теории. Во многом эта концепция была альтернативой концепции Н.М. Коркунова, она утверждалась на основе традиционного для юридического позитивизма формально-догматического метода. Так произошло своеобразное возвращение к позитивистским истокам общей теории права в России, имевшей начало в учениях К.А. Неволина и М.Н. Коркунова.

Список литературы:

[1] Бэкон Ф. Новый органон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1977/1978. Т. 2.

[2] Виноградов П.Г. Очерки общей теории права. М.: Тип. А.А. Левенсона, 1915. С. 153.

[3] Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право

и право народов, а также принципы публичного права. М.: Юрид. лит., 1956. С. 68.

[4] Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский дом СПб. гос. ун-та, 2004.

[5] Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.

[6] Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). Т. 1. Общая догматика. М.: Катков и Ко, 1868.

[7] Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб.: Тип. СПб. Одиночной тюрьмы, 1893.

[8] Коркунов Н.М. О научном изучении права. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882.

[9] Неволин К.А. Энциклопедия законоведения // Неволин К.А. Полное собрание сочинений. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. Т. 1. С. XXI.

[10] Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 116.

[11] Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927; Стучка П.И. Учение о советском государстве и праве. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931.

[12] Ранненкампф Н.К. Замечания об обработке у нас общего учения о праве: по поводу «Юридической догматики проф. Капустина и критич. статей проф. Незабитовского»: Статья 1. Киев: Университетская типография, 1869.

[13] Ранненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии. Киев: Университетские известия, 1868.

[14] Редкин П.Г. Первая лекция 1863/1864 академического года // Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. С. 5.

[15] Рождественский Н.Ф. Энциклопедия законоведения. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863.

[16] Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009.

[17] Ященко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912.

[18] Hunnius H.U. Encyklopaedia juris universi. Koln: Herman Demen, 1675.

References:

[1] Bacon F. New Organon // Bacon F. Works: in 2 vols. M.: Thought, 1977/1978. VOL. 2.

[2] Vinogradov P.G. Essays on the general theory of law. M.: Type. A.A. Levenson, 1915. S. 153.

[3] Grotius G. On the law of war and peace. Three books that explain natural law and the law of peoples, as well as the principles of public law. M.: Jurid. lit., 1956. S. 68.

[4] Gurvich G.D. Sociology of Law // Philosophy and Sociology of Law: Selected Writings. St. Petersburg: Publishing House St. Petersburg. state university, 2004.

[5] Descartes R. Reasoning about the method to correctly direct your mind and search for the truth in the sciences // Works: in 2 vols. M.: Thought, 1989. VOL. 1.

[6] Kapustin M.N. Theory of law (legal dogma). VOL. 1. General dogma. M.: Katkov and Co., 1868.

[7] Kapustin M.N. Legal Encyclopedia (dogma). St. Petersburg: Type. St. Petersburg. Single prison, 1893.

[8] Korkunov N.M. On the scientific study of law. St. Petersburg: Type. Governing Senate, 1882.

[9] Nevolin K.A. Encyclopedia of Law // Nevolin K.A. Complete Works. St. Petersburg: Type. Eduard Prats, 1857. VOL. 1. S. XXI.

[10] Novgorodtsev P.I. Lectures on the history of the philosophy of law // Novgorodtsev P.I. Works. M.: Rarity, 1995. S. 116.

[11] Pashukanis E.B. General legal theory and Marxism. M.: Publishing House of the Communist Academy, 1927; P.I. The doctrine of the Soviet state and law. M.-L.: State Socio-Economic Publishing House, 1931.

[12] Rannenkampf N.K. Comments on the processing of our general doctrine of law: regarding "Legal dogma prof. Kapustina and Kritich. articles prof. Nezabitovsky": Article 1. Kyiv: University Printing House, 1869.

[13] Rannenkampf N.K. Essays on the legal encyclopedia. Kyiv: University News, 1868.

[14] Redkin P.G. The first lecture of 1863/1864 academic year // From lectures on the history of philosophy of law in connection with the history of philosophy in general. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1889. S. 5.

[15] Christmas N.F. Encyclopedia of Law. St. Petersburg: Type. E. Pratsa, 1863.

[16] Sorokin P.A. Elementary textbook of the general theory of law in connection with the doctrine of the state. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2009.

[17] Yashchenko A. Theory of federalism. Experience in synthetic theory of law and state. Yuriev: Type. K. Mattisena, 1912.

[18] Hunnius H.U. Encyklopaedia juris universi. Koln: Herman Demen, 1675.